

Сказка про Святую Деву

Путевой очерк

Боже мой! В пору моей жизни московский Кремль был против Бога. Но моя мама, далеко от Кремля, на Урале упорно выполняла невидимую службу ухаживания за Богом. Кроме того, что она втихомолку молилась Богу и соблюдала все праздники, она считала своим долгом помогать женщинам рожать. Тогда в рабочих поселках женщины рожали сами по себе и не торопились поехать в роддом, рассчитывая на помощь родственников и соседей, и таких божьих людей, как моя мать.

Она же приходила на помощь, когда готовились большие домашние свадьбы. И я помню, что она никогда не отворачивалась от похорон: принималась омывать усопшего, делать все, «как положено», и тихонько, украдкой в уголочке читать Псалтырь, которую обыкновенно прятали глубоко в сундук, укутав ее в полотняную тряпицу. Это было одинокое предстояние перед Богом.

То же самое делали живущие рядом и татары, и казахи, но на свой мусльманский лад. Я любила этот лад, эти тихие голоса, эту стоящую рядом тайну рождения, тайну поцелуя, тайну земного и небесного рая, тайну праздничных и скорбных моментов ради Бога: вкусно, тепло, тревожно.

Поэтому мы так легко, на уровне наших мам, подружились с казахской Алтаншаш Джагановой, когда стали студентами Московского вуза.

Прошло много лет нашей дружбы. Алтаншаш стала известным человеком в Казахстане. И вот мы едем с ней на Байконур.

У нее там депутатские дела, а я... А я мечтаю поглядеть на космический корабль «Буран», у меня к нему материнское чувство, потому что эта машина была темой дипломной работы моего сына.

В Аральске мы остановились, чтобы поклониться ушедшему морю. Взрослые люди усмешливо сказали, что море приходит и уходит, не спрашивая разрешения у мудреца, который сидит на берегу.

Алтаншаш целый день встречалась с женщинами, они советовались о том, как жить-быть дальше. А я и ее сын Сайлан - мы купались в озере, которое оставило по своему пути море.

Стоял высокий зной, лежали низкие пески. Над серединой озера в небе сверкал треугольник, многие, в том числе и я, считают, что это мистическая душа озера, поскольку озеро все-таки живо: Зато дно озера было, как мраморная плита, ни одного растения, кроме меня и девятилетнего мальчика.

Под вечер за нами приехали.

- Поедем сейчас к мазарам, поклонимся могиле Известного Святого, говорят, он встречался с Мухаммедом... - сказала странным голосом Алтаншаш.

- Как же я поеду, ведь я христианка? - робко спросила я.

- Поедешь, - решила моя подруга, - ты - чистая... Видите, сколько времени она купалась в озере...

Я сосредоточилась и сказала окружающим меня казахам:

- Я мать, и вручаю себя отцам и матерям мусульманства.

Казахи кивнули головами, и мы поехали на старое казахское кладбище.

Кладбище было чистым и вечным. Я посмотрела на всякий случай на небо: не висит ли там сияющий треугольник - душа кладбища, - такой же, как над озером?

Мы поклонялись могилам, молились, и я повторяла вслед за своей подругой: «Ил-ля-ля, бес-миллоля-рахман-рахим...» - потому что знала это с самого детства благодаря своей простодушной матери.

За пределами мазара стояла высокая голая гора. На ее серебристой вершине была видна чья-то одинокая могила, аккуратно обнесенная каменной кладкой.

Я спросила:

- Что это там - на вершине горы?

Мне ответили аральцы:

- Это могила Святой Девы.

- Но почему отдельно от людей?

Оказывается, это удивительная история, достойная, может быть, только Казахстана.

Много-много лет тому назад здесь стояли юрты. Жили свободные люди, одинаково чуткие и мужчин, и женщин. Здесь никто не помнит, чтобы казахи носили паранджу.

Мало кто знал здесь и Коран. Жили по закону памяти, предания, по закону Со-

лнца и Луны, земли и неба.

И была у самого сильного мужчины этого поселения Дочь. Проезжий акын, поэт и врачеватель, оставил в этом жилище Коран, и девушка внезапно, безо всякой учебы, начала его читать. Говорят, это чудо произошло в ночь Лейля аль-кадр. В эту священную, последнюю ночь поста, когда люди совершенно очищаются от греха, происходит всевозможные чудеса. Небесные знамения. Благо, что в полупустыне неба больше, чем земли. Совершаются исключительные незабываемые события.

И Алтын, так будто бы звали девушку, увидела в такую ночь тайный смысл Корана, услышала благое расположение высших сил. Отец любил свою прекрасную, упругую, как стрела, дочь и с удивлением и доверием слушал о том, что она поняла из Священной книги.

Старики, прослышав новость, предостерегали отца и дочь, что негоже женщине беседовать с пророком и Аллахом. Не выдержит она груза знаний и станет пристанищем злых духов. Так и случилось. Повалились злые духи ходить на беседы и споры с девушкой о смысле Корана.

Но открывалось в помощь девушке ближайшее к земле духовное небо, небо святых обетов, и показывало оно подлинник Корана, который принес Мухаммеду архангел Джабраил...

В ужасе разбежались злые духи, видя, что возможен, возможен чистый и благородный человек, даже если он - простая степная девушка.

Алтын, победив духов, светлым светла шла к людям и врачевала их наложением на болячку Святой книги. Так научил ее голос, прозвучавший во сне после пророческого чтения.

Все почитали и уважали дорогую Алтын. Прослышал про нее и сам Шайтан, хозяин лежащей в песках угрюмой земли.

И вот однажды, накануне пятницы... Ох, уж эта пятница! Все народы побаиваются ее, иные вовсе не едят мяса, в других местах - не выходят из дому, скрываясь под крышей отцовской молитвой. Правовверные же считают, что и день Страшного Суда придется именно на пятницу, и что свет ислама начал распространяться тоже в пятницу. Так вот, накануне пятницы услышала Алтын голос самого Шайтана:

- Хочу встретиться с тобой в ночь на пятницу на Голую гору. Выдержишь ли ты встречу со мной? Только мужчина-имам умеет - не победить меня, -- но хотя бы остановить мою дикую силу перед своим утлым жилищем... Придешь?

- Приду! - отвечала девушка. Долго молилась Алтын. Ей было сказано: читающий и понимающий Коран уже сделал выбор, дальше - только схватка со злом.

Простые люди передают, что они слышали, как гремела в темном небе гроза, стало хриплое дыхание Князя Пустыни, видели, что поднялась девушка на вершину горы. Долго сверкал между небом и землей этот невиданный спор сущности Корана. Позабавившись, усмехнулся Шайтан:

- Ты не веришь в торжество зла, ты не хочешь разделить со мной могущество силы, ты, будто бы любишь этих жалких людишек, но ты ничем не защищена!

- Я защищена молитвой своего отца и соплеменников.

- Я спалю тебя огнем! - ударил огонь во Святую Деву и уничтожил ее.

Долго не смели жители того поселения подняться на Голую гору. Но однажды увидели все каменную изгородь на горе. А через несколько лет, потихонечку, как муравьи, стали люди навещать это будто бы забытое место схватки девочки с Шайтаном. И оказалось целебным то место для простых людей: у кого пройдет огонь в уставших ногах, кого оставят простудные нарывы, у ослепшего минует слепота...

Так до сих пор и чтут это место, как могилу Святой Девы. Далека от канонов эта сказка, рассказали мне ее люди, одиноко предстоящие перед Богом.

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

Имя твое - твоя судьба

(Окончание. Начало

в «Розе ветров» за 13 мая 1995 г.)

Эти звуки, полные и гулкие, как отголоски кочевий в покрытых седыми ковьями раздольях, грустные, как развеваемый по степи пепел безмянных древних селищ, или тех костров случайного станова, которые много лет спустя наводили на поэта сладкую тоску старинных воспоминаний, приближают нас к таинственной колыбели музыкального развития поэмы, обличают первое чисто звуковое заражение певца лирической стихией бродячей волности, умеющей радостно дышать, держать, любя даже до смерти, и покорствовать смиренному. Фонетика мелодического стихотворения обнаруживает как бы предпочтение гласного «у», то глухого и задумчивого, и уходящего в былое и минувшее, то колоритно-дикого, то знойно музыкально-унывного, смуглая окраска этого звука или выдвигается в ритме, или усиливается оттенками окружающих его гласных сочетаний и аллитераций согласных; и вся эта живопишь звуков, смутно и бессознательно почувствованная современниками Пушкина, могущественно способствовала установлению их мнения об особенной магичности нового творения, изумившей даже тех, которые еще так недавно были упоены соловьиными трелями и фанташными лепетами и всю влажную музыку! песни о садах Бахчисарая...

«Цыгань» есть поэма о Мариуле, иначе говоря, все произведение амплифицирует духовную сущность этого имени и может быть определяемо как аналитическое суждение, подлежащее коего - имя «Мариула». Вот почему посылительница его - персонификация поэмы: это сузило бы его значение и из подлежащего могло бы сделать одним из аналитических сказуемых, каковы, например, и Земфира, и Алеко, и другие. Мариула - это имя, - служит у Пушкина особым разрезом мира, особым углом зрения на мир, и оно не только едино в себе, но и все собою пронизывает и определяет. Имющему уши слышать - это имя само по себе раскрыло бы свою сущность, как подсказало оно Пушкину поэму о себе, и может сказать еще поэмы.

Но и раскрываясь в поэму и поэмах, оно пребывает неисчерпаемым, всегда богатым».

Представим себе, что человек отождествляет себя с полным именем, чувствует его энергию и работает с ней. Но у него есть семья, друзья: домашние привыкли «играть» с его именем, изобретая все новые и новые вариации звучания. Когда мы произносим вслух чье-то имя, тем самым мы устанавливаем связь с этим человеком на энергетическом уровне. Изменяя звучание имени, мы в определенной степени манипулируем его

носителем. Еще в древности люди верили, что узнав, как называется вещь, мы приобретаем над ней власть. Во всех магических традициях истинное имя тщательно скрывалось - вдруг недругим воспользуется, чтобы навредить носителю?

Сегодня, конечно, речь о сокрытии имени не идет. Да и заставить домашних величать нас полным именем нежелательно. Они к этому не привыкли. В таком случае можно посоветовать следующее: разрешите домашним называть вас уменьшительным именем - они вас любят и большого вреда не нанесут. Зато, когда вы думаете о себе или представляете незнакомым людям, пользуйтесь только полным именем. И, если это возможно, просите к вам подобным образом обращаться.

Я знаком с человеком, который обрел полноту своего имени Владимир («Владеющий миром») - только в возрасте 50 лет. До этого все его звали Владик или Вадик. Во время нашего разговора он признался, что постоянно ощущал себя чем-то аморфным, «расплывающимся», чувствовал, как на него что-то давит. В год тысячелетия крещения Руси он был в Крыму. Случилось так, что он оказался в том месте, где был крещен князь Владимир. И тогда он захотел креститься сам. Когда во время обряда было произнесено его имя Владимир, он ощутил, как в него вливается какая-то удивительная чистая энергия. В этот момент в нем произошла трансформация. Из слабовольного Владика он превратился в сильного духом и уверенного в себе Владимира.

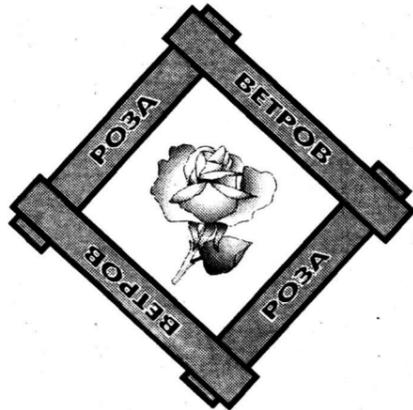
Бывает так, что восприятие человека не ассоциируется с его именем. Кажется, ему больше подходит его отчество или фамилия. Если в человеке звучит только его отчество, это значит, что свое собственное имя он еще должен заработать. А пока он через отчество апеллирует за поддержкой к своим предкам. Если же мы думаем о человеке только по фамилии - это признак того, что он еще не сформировался, как личность. Фамилия - это наши «позывные» на уровне рода или социума. Называть человека только по фамилии - это верный способ его полностью обезличить и не дать ему возможность в внутренне развиваться.

Иногда человека наделяют кличкой. Она, как правило, не несет в себе звука имени человека. Человек теряет свое имя, а вместе с ним и самого себя. Иными словами: кличка уничтожает его. Поэтому кличка - это достаточно сильное средство манипуляции, которая позволяет ввести человека в определенную социальную группу и полностью к ней адаптировать.

Работа с именем начинается еще до того, как человек появился на свет. Его родители любят и ждут малыша. Имя ему они выбирают неслучайно. Они не только чувствуют присутствие находящейся с ними рядом души, но, как правило, верно угадывают ее звучание. Первоначально данное имя имеет огромную власть над человеком: оно связано с тем возрастом, когда в нас только формируются энергии, определяющие жизненный путь. Его сила настолько велика, что даже монахи, сменявшие имя, празднуют день того имени, с которым они пришли в этот мир.

О. Александр (МУМРИКОВ).

«Наука и религия» N 5 за 1994 г.

Мафусаилов век

С давних пор люди мечтали о бессмертии. Эти мечты нашли свое отражение в многочисленных мифах и сказаниях народов всего мира. Синонимом долгожителя стало имя библейского патриарха Мафусаила, якобы прожившего 969 лет. Это самый значительный из упоминаемых во всех мифах, легендах и сказаниях возраст человека, если не считать легендарного Пан Ку, предполагаемого творца мира, который, согласно мифам Древнего Китая, прожил 18 тысяч лет, вырастая за день на три метра.

Среди других библейских патриархов возраст Мафусаила не был чем-то из ряда вон выходящим. Родной дед Мафусаила Иаред жил 962 года, первый человек Земли Адам - 930 лет, сын Адама Сиф - 912 лет, внук Енос - 905 лет, а Ной, создатель легендарного Ноева ковчега, старшего его сына - дни Всемирного Потопа, умер в возрасте 950 лет.

Правда, некоторые современные комментаторы Библии считают, что возраст ветхозаветных патриархов могли измерять по древнему египетскому обычаю - из расчета месяц за один год. Тогда ничего сверхъестественного в долгожительстве библейских патриархов нет. Как говорится в Библии, потом из-за возрастания греховности человека продолжительность его жизни сокращалась, пока, согласно Моисею, она не была установлена «в три срока и десять» - то есть в 70 лет. Тем не менее сам Моисей прожил 120 лет, причем «зренье его не притупилось и крепость в нем не истощилась». Авраам жил 175 лет, его жена Сарра - 127 лет, Иосиф Прекрасный и Иисус Навин - по 110 лет.

Как говорят мифы Древнего Китая, потомки Небесного Владыки тоже отличались чрезвычайным долголетием. По преданию, некий человек по имени Цзянь и по прозвищу Кэи прожил более 800 лет, но все же перед смертью сетовал на то, что жизнь его была слишком коротка. По другой древнекитайской легенде, Пан-цзу к концу династии Инь уже было 767 лет: но он не выглядел старым и немощным. Он цинику не выдавал секрет своей молодости, и люди строили догадки. Одни говорили, что он принимал лекарства из гриба коричного дерева, другие - что он владел секретом глубокого дыхания. Однако легенда гласит, что секрет был куда проще. Пан-цзу умел варить прекрасный фазанский суп, его он и преподнес Небесному Владыке, а тот в награду даровал ему 800 лет жизни. Конечно, трудно доверять мифам и леген-

дам. Но от кроем современную Книгу рекордов Гиннеса. Согласно ее утверждению, документально зарегистрированный предел человеческой жизни составляет 120 лет 237 дней. Этот рекорд принадлежит жителю Японии Сигечию Идзуми, родившемуся в 1865 году и умершему от пневмонии в 1986. Старейший из ныне живущих на Земле зарегистрированных в Книге рекордов Гиннеса людей - 120-летняя Керри Уайт (США), родившаяся 19 ноября 1874 года.

Но при всем уважении к этой всемирно известной Книге, она не дает полной информации о долгожителях земного шара. Так, по утверждению китайцев, самым старшим жителем нашей планеты следует считать китайского гражданина Ли Чун-ян, родившегося в 1680 и умершего в 1933 году в возрасте 253 лет.

186 лет прожил житель Венгрии Золтан Петраж;

185 - другой венгр, Петр Зоргай (1539 - 1724);

185 лет жил основатель аббатства в Глазго Кентигерн, известный под именем святого Мунго;

180 лет прожила осетинка Тенсе Абзие и ровню столько же - житель Грозненской области Арсигири Хазитев;

168 лет прожил Ширали Муслимов из Барзаву (Азербайджан). Родился он 26 марта 1805 года, в 1966 году отметил столетие своей третьей жены, а в августе 1973 - одного из правнуков.

В честь колумбийца Хавьера Пирейра в год его 146-летия была выпущена специальная почтовая марка. Давая согласие на выпуск такой марки представителям государства Колумбия, пришедшим поздравить его с днем рождения, юбиляр поставил лишь одно условие: вшну в углу марки должно быть написано - «И пью, и курю». Прожил Пирейра 169 лет.

Другая марка была выпущена в нашей стране в 1956 году в честь старейшего жителя СССР Мухамеда Айвазова, когда ему исполнилось 148 лет. Всего же Айвазов прожил 151 год.

А как долго живут русские люди? Об этом - в следующем раз.

Из книги Сергея Ризанцева «Философия смерти» (СПИКС, Санкт-Петербург, 1994).